

История

Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века

© 2010

С. Куртинец

В статье на основе архивных материалов рассматриваются направления деятельности японских разведывательных органов на Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии в 20-е гг. XX в., раскрывается их структура и ее изменения в зависимости от политической обстановки в регионе.

Ключевые слова: японские разведывательные органы, Северная Маньчжурия, военная миссия.

В начале XX в. Северная Маньчжурия стала объектом внимания японских правящих кругов. Это было связано с тем, что она занимала стратегически важное положение относительно Приморья, Приамурья, Забайкалья, Монголии, Северного Китая, Южной Маньчжурии и Кореи, представляя стратегический плацдарм для ведения широкомасштабных боевых действий в случае военного столкновения с Россией. Указанная территория, население которой непрерывно увеличивалось, превращалась также в важный рынок сбыта японских товаров. Это делало ее для Японии еще более значимой. Политические круги Японии не скрывали своих планов. Газета "Осака Майнити" 16 декабря 1913 г. писала: "Для Японии Манчжурия играет роль Фландрии, ибо там покоятся жертвы русско-японской и китайско-японской войны. Кроме того, она является страной великих возможностей, куда Япония вложила миллиарды иен, и с которой непосредственно связаны благополучие и судьба всего японского народа. Дипломатические заверения о сохранении китайского суверенитета в Манчжурии и, одновременно, соблюдение особых прав Японии в Маньчжурии, на практике мало осуществимы"¹.

Готовясь к окончательному захвату указанной территории, политическое и военное руководство прилагало усилия к инженерному обеспечению планируемого военного вторжения путем строительства стратегических железных дорог. Эти дороги составляли линию, параллельную КВЖД и тракту Хайлар — Урга,

подготавливая возможность создания фронта и отвлечения грузов от КВЖД из южных районов Северной Маньчжурии и Монголии.

“Японизация” Харбина и Северной Маньчжурии осуществлялась также путем увеличения количества японских резидентов и проникновением их во все сферы жизни. В феврале 1917 г. в Харбине под руководством подполковника Куросава Дзюн был создан орган японской военной разведки, который организационно входил в штаб Квантунской армии.

С целью сбора информации о политическом и экономическом положении внутри России и на российско-германском фронте распоряжением Генерально-го штаба Японии в 1916-1917 гг. в центральную Россию, Сибирь и на Дальний Восток было направлено 9 японских офицеров. На харбинский разведывательный орган было возложено руководство деятельностью этих разведчиков².

Используя двоевластие и неразбериху, возникшие в России после революции и с началом Гражданской войны, японское военное командование усилило разведку на Дальнем Востоке. Для ведения агентурной разведки и организации подрывной деятельности против Советской власти в декабре 1917 г. в г. Алексеевск (ныне г. Свободный) командованием Квантунской армии был направлен Исимицу Макие. Для организации разведывательной работы в начале 1918 г. во Владивосток прибыл помощник начальника 2-го отдела Генерального штаба подполковник Сакабэ Тосио, возглавивший эту деятельность³.

После оккупации Дальнего Востока в конце 1918 г. все офицеры японской разведки в России были сведены в одну структуру, которая после ряда изменений организационно вошла в штаб японского экспедиционного корпуса, продолжая непосредственно подчиняться 2-му отделу Генерального штаба.

В 1919–1922 гг. в Харбине, Владивостоке, Благовещенске, Чите, Якутске и Омске были созданы органы “специальной службы” (“токуму кикан”). Это название новая разведывательная структура получила в связи с тем, что занималась деятельностью, “выходившей за рамки компетенции военного верховного командования в области военной дипломатии и получения информации”. На русском языке органы спецслужбы получили название “миссий”⁴.

В марте 1918 г. японскую военную миссию (ЯВМ) в Харбине возглавил начальник 2-го отдела Генерального штаба, генерал-майор Накадзима Масатанэ. В июне того же года его сменил генерал-майор Мута Нобуеси, в подчинение которого были переданы миссии в Иркутске, Алексеевске, Чите, Владивостоке, Цицикаре и на ст. Маньчжурия. Так харбинская миссия приобрела статус головного и координирующего органа японской разведки на Дальнем Востоке⁵.

Наиболее интенсивную разведку японский Генеральный штаб вел через специально учрежденные в Северной Маньчжурии легальные и нелегальные военные миссии: в Мукдене, Харбине, Чаньчуне, Пограничной и Маньчжурии. В Сахалине, Хайларе и ряде других пунктов Северной Маньчжурии находились секретные военные агенты, подчинявшиеся военной миссии в Харбине⁶.

Кроме организации и ведения военной разведки, миссии оказывали активную поддержку белому движению. Сделав ставку на атамана Семенова, Япония поддерживала его на международном уровне, предоставляя помощь поставками оружия и финансами. Уже в марте 1918 г. в штабе семеновских отрядов находилось девять офицеров японской армии, выполнявших функции советников и занимавших командные должности⁷.

В период с 1918 по 1920 гг. на Дальнем Востоке директивами японского Генштаба были образованы военные миссии во Владивостоке, Никольске, Хаба-

ровске, Благовещенске, Чите, Даурии, Верхнеудинске⁸. Миссии часто реорганизовывались в связи с изменениями военно-политической обстановки в регионе и постоянными передислокациями японских войск.

Район разведывательной деятельности военной миссии был обширен. Она отвечала за ведение разведки в Забайкалье и Сибири — вплоть до г. Новосибирска. В зоне от Новосибирска до Москвы за ведение разведывательной деятельности ответственность нес помощник военного атташе посольства Японии в Москве⁹. Японское военное командование создало на территории российского Дальнего Востока широкую агентурную сеть, осуществляло тотальное добывание информации с использованием широкого круга источников, тщательно обрабатывало открытые материалы. Численность японской агентуры составляла свыше 4 тыс. чел. Агентами японцев были японцы-коммерсанты и русские. Однако предпочтение отдавалось русским, в особенности женщинам, так как им было «легче ориентироваться в русской обстановке и проникать куда понадобится»¹⁰.

Во Владивостоке находился главный штаб агентуры, работавшей на территории Дальневосточной республики. В декабре 1920 г. японцем Небесима было открыто Русско-японское торгово-справочное бюро. Оно разослало японским фирмам Владивостока циркулярное письмо, в котором ставило их в известность об открытии при своей конторе «отдела корреспонденций». «Бюро» являлось штабом японского шпионажа¹¹. Все мелкие японские фирмы и конторы играли роль небольших разведцентров, более крупные являлись координирующими их работу органами. Японцы раскинули по городу сеть конспиративных квартир.

В тот период во Владивостоке находилось около 600 японских резидентов, объединенных в ассоциацию, деятельность которой проходила под наблюдением и руководством японского консула. В консульстве действовало две разведгруппы: одна осуществляла общее наблюдение, а другая специально занималась слежкой за корейцами. Одним из официальных руководителей этой деятельности являлся Когами Токео, чиновник министерства внутренних дел¹².

На тихоокеанском побережье Дальнего Востока активно действовала японская военно-морская разведка. До апреля 1922 г. вся координация действий этой разведсети осуществлялась с крейсера «Ниссин», на котором разведаппаратом руководил один из его офицеров — некто Минадзума. После ухода крейсера в Японию Минадзума остался во Владивостоке, продолжая свою деятельность среди определенного круга знакомых, главным образом русских служащих Морведа и Добрфлота¹³.

В целях более глубокого изучения Красной Армии и максимального охвата разведывательной сетью Дальнего Востока японский Генеральный штаб создал на территории Северной Маньчжурии в качестве дипломатического органа (фактически единого информационно-разведывательного центра), пограничные пункты японской военной миссии на станциях КВЖД — Пограничная и Маньчжурия. Официальный штат этих миссий в то время состоял из двух офицеров, двух переводчиков и нескольких служащих¹⁴.

Перед эвакуацией из Владивостока японцы организовали там разветвленную агентурную сеть, главными задачами которой являлось ведение военной разведки, наблюдения за местными органами власти и отслеживание роста коммунистического движения на Дальнем Востоке. Во главе агентуры был поставлен майор Оно, бывший начальник сыскной части Главного жандармского управления экспедиционных войск. Ближайшим его помощником и самым деятельным из чинов агентуры во Владивостоке был офицер 9-й пехотной дивизии по фамилии

Суда, хорошо владевший русским языком. Для оперативного прикрытия он служил в фирме “Русское торговое промышленное товарищество”. Его основной обязанностью была вербовка осведомителей из числа русского белого движения¹⁵. Военные миссии, их периферийные органы и часть агентурного аппарата были передислоцированы на территорию Маньчжурии.

Помимо постоянных руководителей японской разведки под видом служащих во Владивосток часто прибывали чиновники различных министерств. Для усиления разведывательной деятельности на территории Дальнего Востока по распоряжению японского правительства 21 ноября 1922 г. во Владивосток прибыл директор Департамента полиции Японии Кагая с тремя сотрудниками. В конце октября в Шанхай, а затем в Харбин выехал видный чиновник департамента внутренних дел советник Окуба — секретарь иностранного отдела МВД¹⁶. Цель его командировки заключалась в организации информационной работы в полосе отчуждения КВЖД, Сибири и Советской России, разведсети в регионе Шанхай — Пекин — Мукден — Дайрен и во всей северной Маньчжурии, а также в борьбе с проникновением в Японию большевистской пропаганды. В распоряжении Окуба, кроме штата японских, находилось около 60 корейских тайных агентов. На него была возложена задача по борьбе с японскими и корейскими коммунистами. У Окуба имелись альбомы фотографий японских и корейских коммунистов, которые находились в Москве и Петрограде при Коминтерне. В Приморье и центр России, включая Москву и Петроград, были направлены агенты, которые должны были составлять списки японских и корейских коммунистов. На связи с Окубой в Маньчжурии, Пограничной и Харбине находилось около 15 секретных агентов, в своем большинстве русские, на которых возлагалась задача по поимке прибывающих коммунистов¹⁷.

Окуба вел большую агентурную работу в полосе отчуждения КВЖД, осуществляя наблюдение за всеми коммунистическими организациями, активно собирал данные экономического характера, вопросами чисто военной разведки он интересовался мало и все данные, попадавшие к нему, направлял в японскую военную миссию Генерального штаба генералу Мицуи¹⁸.

Для организации шпионской сети на КВЖД и в Сибири в ноябре 1922 г. с группой сотрудников прибыл полковник Томинага¹⁹. Под видом коммерсанта он открыл в Харбине контору пушной торговли с намерением выехать в Забайкалье, для создания там филиала своей компании.

В связи с эвакуацией из Приморья, японцы усилили свои разведывательные органы в полосе отчуждения КВЖД. Они расширили штаты и увеличили бюджет миссий, организовывали резидентуры под видом пушнинных и других коммерческих фирм, которые, в свою очередь, открывали отделения на российском Дальнем Востоке. Японские агенты должны были проникать в различные советские учреждения на территории России и за ее пределами²⁰.

Японские агенты отправлялись в СССР главным образом под видом коммерсантов. В связи с советизацией Дальнего Востока и государственной монополизацией внешней торговли этот вид прикрытия разведывательной деятельности использовался все реже. На смену ему пришел способ проникновения агентов японских спецслужб под видом коммунистов или сочувствующих им, “желающих служить революции и партии”. Эти лица приходили вообще без документов или имели партийные документы с поддельными подписями видных японских коммунистов. Так органами ОГПУ были задержаны Касивакура Теедзи и Ивато. Касивакура Теедзи (он же Окада, он же Миядзаки Такио), бывший переводчик

японского консульства в Маньчжурии, прибыл в СССР без всяких документов и визы и хотел перебраться в Маньчжурию. Чтобы доказать свое сочувствие коммунизму, Кашивакура согласился работать в СССР, и через его посредство органам ОГПУ удалось добыть 12 копий сводок, посылаемых японским консулом в Маньчжурии в Токио на имя министра иностранных дел Утида.

Ивата приехал в Читу с удостоверением, подписанным по-русски фамилией известного японского коммуниста Сакаи. Удостоверение было поддельным²¹.

После окончания интервенции начался новый этап в истории военных миссий. До февраля 1922 г. японское правительство смотрело на Россию как на слабую, истощенную войной, потому и не опасную для Японии страну. Но уже в 1922 г. стало ясно, что большевистские идеи, исходящие из революционной России, все сильнее оказывают влияние на настроение масс в Японии, а также на находящиеся на территории Дальнего Востока экспедиционные войска. Это обстоятельство заставило японцев изменить свой взгляд на Россию. В их глазах она стала противником, с которым приходилось считаться.

Функция разведки, состоявшая в подготовке военных действий японской армии, отошла на второй план. На смену ей пришла политическая функция. Активная пропагандистская деятельность СССР заставила японские правящие круги принять меры по ее нейтрализации в Северной Маньчжурии, Китае, Корее и Японии.

Японские правящие круги пришли к выводу о необходимости организации максимально широкой политической разведки. Для реализации этой задачи были выделены достаточные финансовые средства. На секретном совещании в Токио в МИД Японии для организации разведки назначили чиновника по особым поручениям Исибара. Получив полномочия и средства, он выехал из Токио во Владивосток, где организовал разведку и систематизировал поступление материалов. Затем, передав дальнейшее ведение своих дел помощнику Кондо, Исибара переехал в Харбин²².

В Харбине он за небольшой промежуток времени организовал разведывательную работу. Поступающие из всех источников материалы Исибара систематизировал и передавал управляющему японским торговым музеем в Харбине. Однако вскоре министерство начало разочаровываться в деятельности Исибара. Добытые им материалы не представляли реальной ценности. Обсудив сложившееся положение, в МИД было решено отозвать Исибара, возложив разведфункции на Мацуро. Последний до середины августа 1923 г. сумел существенно реорганизовать работу резидентуры в Харбине²³.

После ликвидации коммерческих фирм, под прикрытием которых действовали японские резидентуры, на советском Дальнем Востоке в полосе отчуждения КВЖД стали организовываться новые фирмы, представшие собой специальные разведцентры²⁴. Для расширения разведывательного аппарата широко использовались изучившие русский или китайский языки унтер-офицеры экспедиционных войск.

Поскольку деятельность японской военной миссии на российском Дальнем Востоке была признана "полезной", в конце 1925 г. харбинский центр получил значительное подкрепление. Генеральный штаб Японии дал согласие на открытие ряда представительств миссии в областях Северной Маньчжурии, соприкасающихся с советской границей. Были открыты представительства в Сансине, Пограничной, Сахаляне, Хайдаре, Цицикаре.

Японское военное командование поставило своей главной целью организовать связь с руководством частей Красной Армии, дислоцированных в районе со-

ветско-китайской границы, а также завербовать агентов среди железнодорожников, хорошо осведомленных о расположении войск в погранполосе²⁵.

Харбинская военная миссия сохранила свой статус головного разведывательного органа и координационного центра разведывательно-подрывной работы против СССР. Главнейшими целями ее деятельности являлись:

- выполнение роли буфера против проникновения коммунистического влияния в Японию и Корею;
- ведение экономических изысканий и разведки в полосе отчуждения;
- организация и ведение военной разведки в Приморье;
- исполнение заданий Генерального штаба, включая сбор сведений о Красной Армии, а также вербовку агентов и отправку их в Советскую Россию;
- снабжение и формирование белопартизанских отрядов.

Для выполнения контрразведывательных задач миссии был придан чиновник департамента внутренних дел в ранге советника министерства. Он располагал штатом сотрудников, которые вели работу, как в полосе отчуждения, так и на Дальнем Востоке и в Сибири.

Главой японской жандармерии в Харбине был назначен полковник Томинага, находившийся в непосредственном подчинении Главного управления Генерального штаба. Он долгое время проживал в России под видом коммерсанта²⁶. В его подчинении имелось два жандармских отделения²⁷.

Фактически за всю работу Харбинской военной миссии отвечал полковник Генерального штаба Хато, владевший английским и французским языками.

Миссия постоянно получала задание от Генерального штаба, исходя из политической обстановки в регионе. В мае 1924 г., например, требовалось собрать следующие сведения:

- состояние Якутской области, ее внутреннее устройство, а также находящиеся там военные части;
- пограничные войска ГПУ, внутренние, железнодорожные войска ГПУ (состав, снаряжение, продовольствие, обмундирование, боеспособность);
- снабжение войск ГПУ;
- состояние войск ЧОН (частей особого назначения) и нахождение таковых на Дальнем Востоке, структура милицейско-территориальных частей, интендантств в Сибири и Дальнем Востоке, укомплектованность тяжелой артиллерией и авиацией. Особое внимание обращалось на маршруты снабжения войск²⁸.

Миссия вела активную разведывательную работу на КВЖД, в том числе путем внедрения своей агентуры и вербовки агентов из числа служащих и рабочих дороги. Она являлась органом Генерального штаба и своей работой закладывала фундамент для проведения в дальнейшем Японией ее агрессивной политики. Деятельность миссии носила двойственный характер. С одной стороны, это был разведцентр, использовавший в этих целях как японцев, так и русских белогвардейцев Семеновского ПОЛКА. С миссией также была тесно связана группа генерала Косьмина.

Вторая сторона работы миссии сводилась к подготовке всякого рода беспорядков в Приморье и Северной Маньчжурии. Японский Генеральный штаб не оставлял мысли в той или иной форме обозначать свое присутствие на этих территориях. С этой целью применялся испытанный способ создания беспорядков, для чего Япония входила в соглашение с некоторыми политическими группами, субсидировала их для организации выступления, снабжала оружием и в нужный момент выводила на политическую арену, чтобы впоследствии от них отступить.

Харбинская миссия участвовала в организации партизанских выступлений на территориях советского Дальнего Востока для дестабилизации обстановки в регионе. Для проведения эпизодических партизанских мероприятий связь с белыми отрядами поддерживалась через белоэмигрантские организации на территории Маньчжурии с помощью полковника Богуславского, который жил то в Харбине, то в Пограничной²⁹. Для проведения масштабных боевых действий японцы держали в резерве атамана Семенова с его агентурой, Гензанскую группу, фашиствующие объединения и группу офицеров генерала Косьмина. С этой же целью миссия поддерживала тесную связь с центральными монархическими кругами в Японии и Европе и нередко получала корреспонденцию из главного монархического штаба в Париже.

Легальным местонахождением представителей миссии были посольство Японии в Чаньчуне, консульства в Харбине, Маньчжурии, Чанчуне, Мукдене, Тяньцзине и на территории Дальнего Востока³⁰.

С обострением обстановки в Северной Маньчжурии между Китаем и СССР вокруг КВЖД японский Генеральный штаб внес изменения в структуру военных миссий в целях более глубокого изучения и освещения ситуации.

Начальником Харбинской военной миссии в 1928 г. являлся полковник Андо Риндзо. Его заместителем — майор Канно, секретарем — Сузуки, который фактически вел работу всей миссии по разведке, собирал информацию о советских войсках на границах Маньчжурии, их дислокации, вооружении, снабжении, а также о настроениях в военной среде. Начальником контрразведывательного отдела был Фуруяма. В военной миссии имелось два отдела: военный и министерства внутренних дел. Начальником разведывательного отделения министерства внутренних дел являлся Якуда Конмаро. Основными разведчиками в Харбинской военной миссии были Адзумо Комаро, Момои (он же Момонои), Симоно, Хираса³¹.

В 1928 г. в Харбинской миссии состояло на службе 10–15 местных русских, некоторые из которых служили на КВЖД³². Военный отдел занимался военно-политической разведкой, а отдел министерства внутренних дел — только политической, однако оба они выполняли задачу “борьбы с большевизмом”³³.

Агентура миссии занималась также разведдеятельностью в военной сфере Китая, поддерживая связь со штабом Чжан Цзолина³⁴. Так, начальник топографической группы японского Генерального штаба полковник Ичигара, используя крупные финансовые средства, завербовал офицера Бинцзянского военного округа полковника Ю, родственника известного китайского генерала Ма. В лице Ю миссия приобрела очень ценного агента³⁵.

Значительная агентурная сеть сообщала японцам обо всем происходящем на границах. Большинство ее участников являлись японскими подданными. Они доставляли в миссию различную военную литературу на русском языке. Миссия готовила также офицеров, командируемых в СССР для ведения разведки. Разведывательная информация в военную миссию в Харбине поступала из ее отделений на ст. Маньчжурия, в Хайларе (направление ведения разведки — Забайкалье), в Сахалине (Благовещенск и севернее), ст. Пограничная (Владивосток, Приморье), Хунчунь (Северная Корея)³⁶.

Важнейшими органами политической разведки и контрразведки Японии в Северной Маньчжурии были “Контора РЭНа” и японское Генеральное консульство в Харбине — единственный в Северной Маньчжурии аппарат Иностранного отдела Охранного департамента министерства внутренних дел. Задачей его являлось изучение русской политической и социальной жизни, идеологии, деятельности коммуни-

стической партии и методов ее заграничной работы, сбор сведений о русских, проживающих в Маньчжурии и проезжающих через нее в Китай и Японию. При выдаче виз русским всегда запрашивалась справка конторы РЭНа в Харбине. Так, по ее заключению был запрещен въезд в Японию представителям Русского общества культурных связей с заграницей, направлявшимся туда в конце 1925 г.³⁷

Контора поддерживала связь с Пекинским и Шанхайским отделениями Иностранного отдела Охранного департамента, производила сбор и обработку советской литературы и прессы, в особенности газет, издававшихся на Дальнем Востоке. Особое наблюдение контора осуществляла за КВЖД. Слежка велась за Правлением КВЖД, советским консульством и союзом железнодорожников.

Японское Генеральное консульство занималось одновременно и военной и политической разведкой, которой уделялось большое внимание. Разведслужба возглавлялась секретарем консульства Сугихарой и находилась в ведении вице-консула. Сведения доставляли агенты, извлекались они и из открытых печатных изданий. Консульство широко пользовалось услугами белогвардейцев³⁸.

Приграничная полоса Маньчжурии и российский Дальний Восток являлись сферой интереса экономического бюро ЮМЖД. Главной задачей этого учреждения был сбор сведений об СССР экономического и политического характера. Имелась своя сеть осведомителей, которую было довольно трудно расшифровать. Все полученные сведения передавались в Мукден военной миссии, которая отвечала за всю политику, проводимую в Северной Маньчжурии. Ее начальником был генерал-майор Хата³⁹.

Наряду с японской военной миссией разведывательную работу вел аппарат корейского генерал-губернаторства. Его задачами были выявление и преследование революционных организаций, способов и методов их агитации и связей с Кореей и Маньчжурией; выявление революционных печатных органов, изучение продовольственного вопроса и проработка предупредительных мер против коммунистической пропаганды⁴⁰. В 1926 г. корейское генерал-губернаторство только для организации зарубежной разведки располагало суммой в 300 тыс. иен. При этом особое внимание обращалось на Пекин, Харбин и Владивосток⁴¹. Кадры своих агентов японцы пополняли из значительного корейского контингента.

В связи с обострившимся отношением СССР с Китаем по вопросу о КВЖД японцы стали прилагать значительные усилия для сбора сведений об органах управления дорогой. Их интересовало, что говорят советские представители в управлении КВЖД о дальнейших шагах и о своем положении в Китае, что намерены делать, где проходят собрания руководящих звеньев, профорганов и партийных ячеек⁴².

Расширение разведывательных задач миссии повлекло изменение ее структуры. Кроме секретного в военной миссии в Харбине были образованы следующие отделы:

- 1 отдел — общий (наблюдения за корейцами, китайцами);
- 2 отдел — наблюдения за правыми русскими организациями;
- 3 отдел — наблюдения за левыми русскими организациями⁴³.

Пребывание Красной Армии на территории Северной Маньчжурии в ходе конфликта на КВЖД дало возможность военной миссии перепроверить имевшиеся о ней сведения, обновить и расширить свои связи. После ухода Красной Армии был составлен большой и подробный доклад о боевом и моральном состоянии ее частей, участвовавших в Маньчжурской операции. Доклад был достаточно обстоятелен, изобилдовал зачастую верными данными, указывающими на то, что разведка велась интенсивно, и были приняты все меры к тому, чтобы максимально использовать

нахождение частей Красной Армии в зоне непосредственного внимания органов японской разведки. Доклад свидетельствовал о наличии в ее распоряжении широкой и достаточно осведомленной сети как среди гражданского населения (на приграничных территориях обеих сторон), так и в армейских рядах⁴⁴.

Один из представителей японского Генерального штаба дал такую оценку Красной Армии: «Россия сегодняшняя — совершенно отлична от России периода 7-8 лет после революции. Совершенство вооруженных сил России является поразительным, никто из нас не предполагал, чтобы испытывающая финансовые трудности Россия создала такую превосходную и мощную армию, какую она имеет сегодня»⁴⁵.

После конфликта на КВЖД японское военное командование обратило серьезное внимание на проблему политического воспитания в Красной Армии. Вопросы организации и техническая сторона были достаточно хорошо изучены японским Генеральным штабом. Вопрос же политической работы, которому в Красной Армии отводилось одно из главных мест был новым, требующим детального и всестороннего обследования и изучения⁴⁶.

В конце 1920-х гг. с усилением агрессивности внешней политики Японии усиливается ее деятельность и в Маньчжурии. Во всех значительных пунктах по линии КВЖД японцы усиливали разведывательную работу и расширяли сеть своей агентуры. Ее агенты стали вести точный учет всех лиц, прибывающих из СССР, собирать сведения об их политических убеждениях и составлять списки мужского населения от 18 до 50 лет. Японская разведка черпала кадры диверсантов и шпионов в основном из членов белогвардейских фашистских организаций в Китае, используя при этом китайскую полицию в качестве канала для вербовки и переброски через нее своих агентов на советскую территорию. Переброска производилась путем отправки в период конфликта на КВЖД целых групп и агентов-одиночек в составе советских граждан, высылаемых с китайской территории; подготовки и легальной отправки агентов, имеющих квалификацию шоферов, мотористов, машинистов, слесарей и т. п., в которых ощущался острый недостаток на Дальнем Востоке; нелегальной отправки агентов под видом перебежчиков; в составе призываемых в ряды Красной Армии советских граждан — служащих КВЖД.

Особого внимания заслуживало то обстоятельство, что ряд диверсантов и шпионов предварительно вливались на КВЖД в местные партийно-комсомольские и профсоюзные организации, после чего перебрасывались на советскую территорию одним из перечисленных способов, уже имея репутацию проявивших себя агентов.

В задачу агентов в основном входили: сбор сведений о количестве личного состава в частях, наличии вооружения, технического имущества, состоянии и количестве складов неприкосновенных запасов и их охране, добыча сведений о политико-моральном состоянии частей, проникновение в органы ОГПУ, сбор политических и экономических сведений о состоянии края, создание антисоветского актива и контрреволюционных группировок в частях Красной Армии, через которые распространялась антисоветская агитация, с привлечением для этой цели красноармейцев-выходцев из кулацкой среды.

Для осложнения взаимоотношений между красноармейцами и начальствующим составом ставилась задача всяческого подрыва авторитета последнего⁴⁷.

Особенно активизировалась деятельность японских разведслужб на ст. Маньчжурия. Оживилась также работа японской разведки в районе Барги и западной линии КВЖД: собирались данные о грунтовых водах Трехречья, мостах и переправах через реки, о наличии питьевой воды и числа колодцев в населенных пунктах, наличии фуража и местных ресурсах. Происходила интенсивная скупка лошадей в Барге.

Японские резиденты производили опросы русских беженцев-кулаков из Забайкалья, выясняя настроение населения на советской территории⁴⁸.

Были проанализированы: ход хлебозаготовок, состояние железнодорожного транспорта, добычи каменного угля в Сибири, партийная работа и организация партийного аппарата. Велось постоянное наблюдение за дислокацией частей Красной Армии, ее моральным состоянием, дисциплиной, политической работой, проявлением в армейских рядах правого оппортунизма и контрреволюционных настроений⁴⁹.

Большое внимание уделялось выявлению настроений русской белоэмиграции. Предпринимались попытки установления отношений с авторитетной эмигрантской организацией, предположительно имеющей солидные связи на территории СССР, для использования в интересах японских разведорганов⁵⁰.

В это же время японская военная разведка проводила и политические мероприятия: организовала и осуществила покушения на маршала Чжан Сюэяна (неудачно), организовала заговоры в целях поднять восстание в Харбине и Мукдене, которые были раскрыты; спровоцировала восстание хунхузов вдоль линии КВЖД. Организацией восстаний и заговоров Япония предполагала создать беспорядки в Маньчжурии, чтобы затем ввести войска якобы для защиты своих резидентов и имущества, упрочить положение в Маньчжурии⁵¹ и подготовить плацдарм для агрессии против советского Дальнего Востока и Забайкалья. С момента захвата Маньчжурии начинается усиленное и планомерное развертывание работы японских разведывательных органов против СССР.

Таким образом, в 20-е годы XX в. разведывательную работу против Советского Союза вели японский Генеральный штаб, главный морской штаб, министерство иностранных дел, жандармские и полицейские органы, а также различные коммерческие структуры. На японскую разведку работали также разведывательные и полицейские органы корейского генерал-губернаторства. В центры японской разведки на Дальнем Востоке и в Сибири были превращены аппараты японских консульств во Владивостоке, Хабаровске и Новосибирске, представительства торговых, промышленных фирм и пароходных компаний.

-
1. См. архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 173, л. 30.
 2. *Полутов А.В.* Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916–45 гг. : по материалам японских источников // Материалы научно-теоретической конференции, Владивосток, 3–4 февр. 2003, Владивосток, 2003. С. 54.
 3. Там же. С. 55.
 4. Справка о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии 1945–1946 гг. Ворошилов-Уссурийский, 1947. С. 2.
 5. *Полутов А.В.* Указ. соч. С. 55.
 6. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 454, л. 196.
 7. *Полутов А.В.* Указ. соч. С. 56.
 8. Там же. С. 57.
 9. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 454, л. 206.
 10. Там же, д. 14, л. 40.
 11. Там же, д. 16, л. 36.
 12. Там же, л. 156.
 13. Там же, д. 14, л. 767.
 14. Справка о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии, 1945–1946 гг. Ворошилов-Уссурийский, 1947. С. 3.
 15. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 14 а, л. 4.

16. Там же, д. 14, л. 767
17. Там же, д. 104, л. 34.
18. Там же, д. 27, л. 5-6.
19. Там же, д. 14, л. 681.
20. Там же, д. 14, л. 680.
21. Там же, д. 14, л. 681
22. Там же, д. 104, л. 1.
23. Там же.
24. Там же, д. 14, л. 63.
25. Там же, д. 99, л. 72.
26. Там же, д. 14, л. 33.
27. Там же, д. 14, л. 40.
28. Там же, д. 104, л. 33.
29. Там же, д. 2299, л. 34-35.
30. Там же.
31. Там же, л. 35.
32. Там же, д. 34, л. 190.
33. Там же, л. 191.
34. Там же, д. 34, л. 190.
35. Там же, д. 165, л. 28.
36. Там же, д. 99, л. 174-175.
37. Там же, л. 81.
38. Там же, д. 165, л. 148.
39. Там же, д. 99, л. 168-169.
40. Там же, д. 165, л. 47.
41. Там же, л. 54.
42. Там же, д. 347, л. 17.
43. Там же, д. 108, л. 185.
44. Там же, д. 99, л. 285.
45. Там же, л. 311.
46. Там же, д. 249, л. 12.
47. Там же, д. 454, л. 18.
48. См.: Российский Государственный военный архив, ф. 33879, оп. 1, д. 9, л. 32 а.
49. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 249. л. 10.
50. Советская контрразведка: Сб. документов. Вып. 2. (1922-1941 гг.) М., 1981. С. 261-262.
51. Архив УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 454, л. 157.
52. Там же, д. 14, с. 113-114.
53. Там же, с. 207.
54. Там же, д. 387, л. 485.